

Игорь ДУАРДОВИЧ,

литературный критик, заведующий редакцией журнала «Вопросы литературы», ответственный секретарь журнала «Новая Юность»

«ЧЁРНЫЙ СВЕТ, БЕЛАЯ ТЬМА»

Коротко о стихах Татьяны Виноградовой

Побывав как-то на одном вечере Татьяны Виноградовой и послушав, как она «играет» свои верлибры, я вдруг совершенно ясно увидел её лирико-сатирическую направленность, что сегодня, кажется, встречается редко. Таковы общие тенденции. Пишущего качественно, современного, умеющего вскрывать пошлость и по-настоящему остроумного, а в данном случае ещё и «многоуровневого, филологичного и культуроцентричного»¹ лирико-сатирика найти так же невозможно, как и, скажем, профессионального поэта-пародиста, тогда как хорошего лирика — проще. Увы, сатирический и пародийный диалоги в наше время воспринимаются как второстепенные, неблагородные, а то и вовсе как некий пережиток, сегодня они обретаются на паперти поэзии². Именно лирико-сатирическим складом объясняется столь язвительное противостояние «душевного» и «духовного», которое мы наблюдаем в творчестве Виноградовой. В этом смысле характерно уже само название одного из основных, на мой взгляд, сборников — «Голодные ангелы» (2010), где находим такой стихотворный фельетон:

*Золотая девочка сверкает,
озаряя собой пустой автобус,
поигрывает мобильником (разумеется,
со стразами от Swarovski).
Золотая девочка недовольно крутит
маленькой милой головкой,
рассеянно выдувая из очаровательного ротика
пузыри баббл-гама:
— Ну где же, где*

---

¹ Евгений В. Харитоновъ. Штрих-коды для интеллектуалов. — «НГ Ex Libris» от 13.07.2006.

² См. статью В. Губайловского «Ода пародии». — «Арион» № 2/2014.

толпы восторженных зрителей?!

*(Подружка — серенькая мышка,
водитель автобуса, да я —
сорокалетняя бабуся в дряхлых джинсах —
не в счёт).*

Написано без надутости, мелочности и дёшево возвышающего противопоставления себя, а со зрелой иронией/самоиронией. Автор по-разному испытал жизнь, валялся в таком мощном культурном котле, которому можно только позавидовать, и хорошо понимает значение притчи о блудном сыне (Из автобиографии: «Дальше как у всех: теория и практика хиппизма, «Москва — Петушки», Сэллинджеры с Воннегутами да Камю всякие, фотокопия ксерокопии «Доктора Живаго», которую дали на одну ночь...»). Задаваясь какими угодно вопросами, будь то общефилософские, социальные или личные, поэт делает это, говоря на языке «душевного», обыденного, манипулируя сакральным, эксплуатируя его, подвергая сомнению и в конце концов приземляя, как только умеет человек современного мегаполиса. И нужно отдать должное смелости Виноградовой, с которой она работает на столь широкой ниве понятий, ассоциаций и стилей, используя разнообразные источники, как свободно обращается с разной лексикой и знаками, совершенно ничем не брезгуя, будучи готовой бесконечно сталкивать, создавать трение и по-новому окрашивать предметы.

*Павел упрямо идет
сквозь скрежет и скрип тормозов,
сквозь нимбы рекламных щитов,
возвещающих: «Да любите друг друга!»
(Копирайт: Иисус Назарей,
Редактор: Денница ака Люцифер).*

*Павел плевал на редактора и на пепел.
Павел будет любить этот мир,
стиснув зубы.
«Любовь долготерпит».*

Виноградова крайне восприимчива и чувствительна к настоящему времени, её остро волнуют вопросы современности, и она живо на них откликается. Автор не рав-

нодушен ни к проблеме усыновления детей однополными парами («Усыновлённая, удочерённый»), ни к мигрантам («Каждый второй»), ни к обществу потребления («Старушка и Че Гевара»), ни вот к этому:

Приветки!

Печенька? — Нра, насибки.

Вкусняшка. Нра, нра, улыбнуло.

Сфоткаешь?

Ой, котэ какой, няшка, няшка, мимими!

Сфоткаешь?

Мася, какой ещё астероид?

Куда-куда летит?

И че, Мася, прям завтра прям?

Пичалька. Сфоткаешь?

Не, а чё?

Да ладно!

Улыбаемся и машем.

Ну, чмоки-чмоки,

споки-ноки.

пока-пока!

(«Пичалька»)

И даже «К вопросу о воззрениях современной теоретической физики на пространственно-временной континуум» кое-что имеется. А в тех же «Голодных ангелах» крайне любопытен «Полемический конспект списка грехов, найденного в Интернете» или «Банальные рифмы. Настоящая таблица», довольно насмешливое «пособие для начинающих силлаботоников романтического толка» (везде курсив автора — И. Д.), но ещё более насмешливым предстаёт стихотворение «Стать поэтессой» в сборнике «Жизнежуть» (2013). Притом, как видно из примера с «Пичалькой», поэт может идти на совершенно отчаянные, кому — снижения, а кому — падения со свистом, полностью порывая с лирическим началом и, казалось бы, выходя за границы привычной эстетики. Это уже сатира без примесей и «по приколу». Вообще примечательно, что для стихов разных лет характерна та или иная степень гражданственности или социальности.

Гетто для новых русских.

И для старых — всё то же гетто.

— Отчаянно зеленеют
ветки обрубленных пней.
...По руинам и пепелищам,
по задворкам чужого Арбата.
— Ах, бросьте нить,
Булат Шалвович —
все гораздо страшней!

Торчит новодел стеклянистый.
Помойки воняют рыбой.
И призраки
не вернуться:
секьюрити не велит.
<...>

...Руины и пепелища.
Катаются дети на роликах.
И во дворе литмузея
харкает пьяный мужик.
А в бледном весеннем небе
висит над Москвой проклятье:
Спаситель стучится в свой Храм,
но там не нужны божжи.

(«Весенняя прогулка по Центру», апрель 1998)

Движение в сторону сатиры шло исподволь и продолжается оно до сих пор, поэтому показательны книги — «Голодные ангелы» и «Жизнежуть». Но, конечно, просто назвать Виноградову лирико-сатириком не вполне достаточно, и пусть сатирическое видение как бы преобладает сегодня, но само творчество поэта — некий особый сплав лирики и драмы, что, кстати, видно и в «путевых» стихах, с описаниями мест из путешествий, стихах-травелогах («Санторин»).

Из автобиографии: «А в 20 лет увидела спектакль “Дракон” в Московском театре-студии на Юго-Западе с Авиловым-Ланселотом и была отравлена драматическим искусством на всю оставшуюся жизнь. Потом писала по этому театру диплом, работала там завлитом...» К слову, если знать о театральной увлечённости, о значении театра в судьбе поэта, то можно сделать одно предположение насчет предпочтения верлибра, так как верлибр, он более сценичен, что ли. И не случайно у Виноградовой столько ролевой лирики. Во

многих стихах, как в книге «Уходим в миф» (2005) или в «Голодных ангелах», при построении образа немалая роль отводится драматическому жесту, драматическому искусству, выражению лиро-драматической тональности. Отсюда избыточная описательность, задающая дополнительный ритм («Оливы, древние до одури, до жути, / до страшной, первобытной, вневременной тоски...»), семантический плеоназм, множество анафор (стихи-виньетки). Этим же отчасти объясняется встречающаяся двусмысленность, «вариативность» словосочетаний, особые визуальные решения, которые требуют прочтения с листа. Так, в стихотворении «Ты помнишь / слышишь?...» косою чертой разделены слова, относящиеся к одному образу, но имеющие противоположные значения («шелестит тёмный / бледный огонь», «струи / ветви дерева дождевого») — здесь могли бы стоять союзы «и», «или», ну и просто запятые. «Разделения», как и оксюмороны («осенней весны»), создают впечатление ограниченности средств языка, невозможности передать ощущения доступными словами. Собственно, это то, что можно сыграть. Но сыграть в «театре» Виноградовой, кажется, можно что угодно, и даже простые полиграфические сведения на обложке школьной тетрадки становятся основой для комедийного монолога:

Офис-тетрадь

Формат А4 (196х284 мм)

Брошюра на гребне... (курсив автора — И. Д.)

<...>

«Я, Альт-Канц-Полиграф Полиграфович

Кюхельгартен,

офис-планктон в формате,

сделанный в России,

с неограниченным сроком годности

и без особых условий и правил (хранения),

на Васильевский остров

приду...

для записей.

— ООО! ООО!

Все права защищены!

ООО! 80 листов!».

(«Канц-верлибр»)

В общем, странно, что автор ещё не написал ни одной пьесы. Или всё-таки написал?